

Пустынный Путь

Ветер появился в одинокой мелодии, рождаемой флейтой девочки-пастушки. Некогда ловкие пальцы, танцующие по гладкой поверхности полированной кости, стали теперь далеким прошлым, сладкое дыхание юности давно рассеялось в пыли и войне, покрытое дряхлой пеленой памяти. Но солнце оставалось неизменным и как прежде разливалось по землям зееранимов сладкой и густой волной, словно мед из золотого кувшина.

Рожденное из песни, томлений и магии юных дев, солнце скользило по мягкой поверхности желтых дюн, пробуждая песнь в песках, поднимая целую рать томящихся крошечных песчаных духов, которым предстояло погибнуть, не успев превратиться во что-либо еще. Они отплясывали свой танец и умирали, не испытав ни капли сожаления.

Порывы ветра растрепали и подняли высохшие ветки терновника, до смерти напугав зайчиху, которая выпрыгнула из укрытия — и тут же попала ястребу в когти. История старой как мир борьбы снова обогрилась кровью, и ястреб с триумфальным криком поднялся над завершенным шедевром.

Утро несло отголоски предсмертного дыхания ночи, последнего заячьего вдоха и умолкающей песни девушек. Несмотря на то что Теотара давно перестала обращать внимание на знаки и ей было уже безразлично, в каком направлении скакать (к теням или к солнцу, да хоть в драконью пасть), услышав вопль ястреба, она невольно задержала дыхание. Это в свою очередь привело к тому, что ее многострадальная левая нога непроизвольно дернулась и старая надежная кобыла споткнулась и немного сбилась с пути, повернув на восток. Старуха лишь пожала плечами и послушно сменила направление.

Когда все дороги ведут к гибели, с одинаковым успехом можно ехать навстречу утру, — решила она.

Как только Теотара и ее лошадь сменили направление, ветер тоже переменялся. Теперь он пел о смерти, пел оду крови и огню. Заккия запрокинула голову назад, глубоко вдохнула и выдохнула с шумным многозначительным хрипом. Даже после стольких лет испытанная в битвах кобыла, едва почуяв смерть, готова была скакать, выплясывать

и изо всех сил сражаться за собственную жизнь. Много лет назад всадница лишь посмеялась бы и, с готовностью приняв вызов, пустила бы лошадь в самую гущу любой заварухи. Даже удивительно, что они обе дожили до столь преклонных лет.

Теперь они приближались к Костям Эта, месту гибели и неусыпно поджидавшей человека опасности. Ходила молва, что в этих местах водились разбойники, которые брали пленников, для того чтобы впоследствии продать их на невольничьих рынках. Возможно, она встретит по дороге парочку таких людей и немного очистит мир от этой скверны. То будет последняя битва под этим солнцем, а потом можно будет спокойно растаять в дымке, словно песчаный дух. Теотара улыбнулась и обратилась мыслями к своему верному спутнику, своей единственной любви, плоти и крови.

Ну что, присоединимся к танцу, мой Саффрай?

Но Саффрай был мертв. Он первым ушел по Пустынному Пути, оставив ее в одиночестве. Горе снова охватило все ее существо, и тяжесть страдания потянула вниз. Напрасно звала ее душа, точно воин, который тянется за отрезанной ногой.

Заккия немного заплутала, низко свесив голову. Выпитый ими на пару чай с сонным молочком подарит лошади и всаднице три дня обманом выторгованной жизни и мягкий отход к вечному сну. Шли вторые сутки их трехдневного пути... Совсем скоро они смогут отдохнуть. Теотара с Заккией верой и правдой служили своему клану и племени, и никто из живущих не посмел бы бросить им ни слова упрека, если бы они решили уклониться от новой угрозы, какой бы она ни была.

Неужели, прожив столь тяжелую жизнь, они не заслужили легкой смерти?

От этой мысли Теотара засмеялась и пришпорила кобылу. Требовать от старого воина уклониться от опасности? С таким же успехом можно было попросить звезды на полночном небе приглушить свое сияние или ястреба не гнаться за зайцем. Даже в последний день ее жизни...

Особенно в последний день ее жизни.

Мутаани, — подумала Теотара. — И в смерти есть красота. Каждый воин проговаривал эти слова, но только теперь она наконец поняла их смысл.

Они подъехали к Костям, и Теотара не удивилась, увидев стервятников. Ей следовало заметить их раньше. Будь прокляты ее мутные

глаза! Будь проклята слабость, дрожавшая в ее руке! И будь проклята любая предстоящая напасть, желающая поживиться ее тощим скелетом. У Теотары оставалось еще достаточно зубов, чтобы самой жевать мясо, довольно силы, чтобы натянуть тетиву и поднять меч. Пески Зееры замерзнут и онемеют в вечной тишине, прежде чем Теотара Джа'Акари испугается кучи камней.

Даже *той самой* кучи камней.

Кости Эта были пустынным местом, темными камнями в позолоченной оправе. Угнездившись в горячих песках, они, казалось, дарили желанное укрытие от солнца, были местом, где можно упокоить усталые кости. Окидывая взглядом острые скальные вершушки, путник мог решить, что здесь когда-то возвышался город, возможно, до Сандеринга, в те времена, когда эти земли еще цвели в прохладе и зелени. Человек мог бы подивиться тому, что, несмотря на долгий путь, во время которого так хотелось найти место для отдыха, утомленные дорогой лошади лишь выгибали спины, ржали и поднимались на дыбы при одном виде этих закрученных каменных колонн. Мудрый путник обращал внимание на знаки, которые давал ему четвероногий компаньон, и направлялся в обход камней.

Однако же мудрые путники, равно как и старые воины, были явлением столь же редким, как дождь. Мудрые люди сидели по домам и мирно старели, и лишь глупцы становились путешественниками или воинами и умирали молодыми.

Теотара вытащила меч из ножен. Может быть, у Пустынного Пути ее поджидает Саффрай? *Осталось недолго*, — пообещала она спутнику своего сердца. — *Совсем недолго*.

Воздух между камнями был не просто прохладным, он казался *живым*. Камни переливались и танцевали, будто миражи на горизонте, и земля подрагивала от их прикосновения. Теотара повела недовольную кобылу мимо каменных, в черно-красную полосу колонн, которые выбивались из плоти земли, точно изможденные щупальца чудовищного паука. Когда старая воительница ступила в прозрачную тень, у нее по спине пробежал холодок. Эта земля, эти камни испили полную чашу ярости и крови и жаждали получить еще. Она почувствовала прикосновение смерти — ее запах витал в воздухе, ее песнь доносилась с жарким дыханием пустыни, окутывавшей Кости.

Сердце Теотары сжалось, когда из-за равномерного *цокота* копыт Заккии донесся посторонний звук. Звук безнадежности, слабый

и потерянный, бледный, точно последняя струйка дыма, покидающая очаг мертвеца. Теотара услышала плач человеческого младенца.

И сдержала порыв тут же ринуться туда. Этому звуку могли подражать многие хищники. Она прикрыла глаза и позволила своему *ка*, дыханию ее духа, выскользнуть из тела, чтобы прощупать и проверить окружающее пространство. Теотара почувствовала ледяной интерес Костей и крошечные теплые жизни птиц-падальщиков. Но не ощутила присутствия ни людей, ни крупных хищников, ни какой-либо другой сущности, которая могла бы угрожать ее жизни.

Женщина снова открыла глаза и нахмурилась. Здесь что-то произошло, возможно, очень и очень недавно, но какой бы страшной ни была эта опасность, она прошла стороной. Заккия как будто согласилась с хозяйкой. Кобыла повела ушами сначала в одну, затем в другую сторону, потом повернула голову назад и слегка укусила всадницу за ногу.

Теотара оттолкнула морду кобылы и нахмурилась, щурясь на солнце, которое уже поднималось над Костями Эта. Здесь, в самом дальнем и темном углу стояла кучка крашенных повозок из тех, в которых передвигались по Великому Соляному Пути северные торговцы. Теотара заставила Заккию замедлить ход и, когда та подошла поближе, увидела неподвижные раздувшиеся туши вьючных животных, лежащие между разбитых повозок. Один из падальщиков сверкнул перьями на солнце и, расправив крылья, издал ликующий крик. Теотара спрятала меч в ножны. Кому придет в голову сражаться с камнями и грифами?

К битве они припозднились, но Теотара продолжала слышать жалобный плач человеческого младенца. Работа для нее здесь еще найдется. *Если не можете истребить врага, — часто говорила она юным воинам, — спасите живых. Не можете спасти живых, утешьте умирающих. Помогите их духам отойти в мир иной с помощью поднятого кубка, песни и пряного дыма. И не забудьте проверить тела на предмет ценных вещей.*

Теотара вздохнула, перебросила онемевшую ногу через спину старой кобылы и скользнула на землю, постанывая — женщине казалось, что в ее колени вонзились мириады раскаленных иголок. Она могла распорядиться последними тремя отведенными ей днями так, как пожелает. Могла бы выбрать дорогу к Нар Кабдааду, и тогда багряные лепестки умирающего солнца расцветали бы у них на глазах, когда они допивали бы последнюю чашку чая. Теотаре всегда хотелось побывать

у моря, вдохнуть соленый воздух и услышать шум прибоя. Ей говорили, что море поет чудесные песни. Что водная гладь простирается так далеко, что ее невозможно охватить взглядом.

Как бы это было прекрасно!

Старая воительница оставила дремлющую кобылу на солнце и принялась махать тощими руками, отгоняя толстого красного грифа, который в ответ зашипел и расправил крылья. Теотара втянула воздух сквозь зубы и вздохнула. То, что служило грифу обедом, прежде было стадом чурримов — пятнистых стройных и гибких животных. Чурримы ценились, потому что были сильнее и выносливее лошадей. Теперь же они превратились в кучу испорченного мяса, их грациозные ноги и нежные уши валялись на земле, поломанные и разорванные. При этом умерли чурримы не так давно. Будь она самую малость быстрее, явись на час раньше...

Были бы у нее крылья, она бы и к морю улетела.

Теотара отвернулась от убитых животных и стала осматривать повозки. Это была кучка ярких маленьких домиков на колесах, изготовленных из дерева, с крошечными дверцами и смазанными маслом оконцами, а покрытые красным лаком крыши напомнили ей о широкополых шляпах джинберрийских фермеров. Узкие деревянные колеса были созданы для шумных многолюдных дорог, а вовсе не для мягких, поющих и постоянно меняющихся песков Зееры. Бродячие зееранимы канули в Лету, их нет давным-давно, остались лишь пыль и поющие кости... И все же перед ней — тяжелые деревянные возы, точно сброшенные прямо с неба.

Как они сюда попали? Куда подевались управлявшие ними люди? В воздухе висел тяжелый запах свежей смерти, и Теотара отчетливо различала брызги густой крови, чьи-то волосы и ошметки частей тела. По всему выходило, что кто-то разбил кому-то голову о борт ближайшей телеги. Духи недавно умерших стонали, но тел нигде не было. Даже повелитель снов оставляет тела.

Значит, это магия, иного объяснения быть не может.

Теотара почувствовала, как по волосам у нее на затылке пробежало электричество. Она подобралась поближе, с каждым шагом все больше мечтая вернуть острый ум и еще более острые клыки своего Саффрая. Приблизившись, женщина заметила, как сильно были изувечены прекрасные повозки. Такие царапины могли оставить когти львиной змеи или другого крупного виверна. У одной из повозок была

пробита крыша, а тонкие деревянные колеса разлетелись в щепки. В воздухе стоял странный запах железа и серы, напомнивший Теотаре о горячих источниках Утраки. Наименее поврежденная повозка горела. Из разбитой двери вилась одинокая струйка дыма, и именно оттуда доносился плач младенца — если только там и правда был младенец, а не какое-нибудь дьявольское заклятие.

Старуха не боялась смерти, но всегда недолюбливала магию. Собравшись с духом, Теотара закрыла глаза и зарылась в песок носками своих любимых изношенных сандалий из мягкой кожи. Она вновь разрешила своему ка раскрыться, словно это был цветок терновой розы, или лапы потягивающейся после сна кошки, или поцелуй рассвета в последний длинный день. Теотара открылась для внешних ощущений и почувствовала, как наполнились желудки стервятников. Ее любимица Заккия, родственная душа, трепетала в последней краткой искусственной жизни, ее дух угасал, точно угли вчерашнего костра. Да и собственный дух охотницы, искалеченный и сломленный, истекал кровью из незаживающей раны. Во мраке плакала половинка ее души.

Саффрай, любовь моя, самой мне с этим не справиться...

Теотара с усилием абстрагировалась от причины собственного горя. Здесь для нее еще найдется работа.

Она открыла свой ка нависающему небу и ничего не почувствовала. В окружающих песках тоже ничего не обнаружилось. В трех разбитых повозках и пространстве вокруг них Теотара ощутила стайку новых призраков, злых, но бессильных. Зато в четвертой повозке...

Лежала крошечная и яркая жизнь. Человек. Раненый.

Нет, там было две жизни.

Или... все же одна. Одна крохотная свеча, горящая во тьме.

Затем снова две. Яркое пламя и огонь, отходящий в тень. Живое дитя и умирающий взрослый.

Теотара распахнула глаза и тут же зажмурилась от внезапного головокружения, помедлила, сделал короткий шаг, прежде чем стряхнуть с себя нахлынувшие чувства, и направилась к дымящейся повозке, где, испытывая ужас и страдая, лежал плачущий младенец, безуспешно пытавшийся разбудить свою мать. Несомненно, это были чужестранцы, малокровные, слабые, едва ли способные выжить в пустыне хотя бы день. И вместе с тем они оказались именно здесь, в трех днях езды от Шахада, и женщине оставалось жить не больше дня. У Теотары

не было надежды даже для себя, что уж говорить о том, чтобы давать ее другим. Жалкий глоток воды да сомнительная честь пребывания в ее обществе на Пустынном Пути...

А я-то думал, что ты воительница! Мысль казалась старой и пустой, как будто она проделала долгий путь, прежде чем достичь старушечьей головы.

Теотара заставила себя остановиться. Ее сердце гулко забилося в груди. *Саффрай?*

Там, где есть жизнь, найдется место и надежде. Неужели не ты меня этому научила? Глупый человек...

Саффрай, любовь моя...

Я буду ждать тебя, китрен. Теотара скорее почувствовала, чем услышала кошачий смех. *По крайней мере, некоторое время. Мы отправимся по Пустынному Пути бок о бок... Но сначала ты должна спасти ребенка.*

С этими словами он исчез.

Теотара подошла к горящей повозке и распахнула сломанную дверь. Женщина увидела крошечное личико, бледное и измазанное сажей и слезами. Волосы у малышки были красные, точно закат, а рядом с ней в беспмятстве лежала женщина с волосами, как лунный шелк. Обе, казалось, побывали на бойне. Да, это были тонкокожие чужестранцы, и хоть в женщине еще теплилась жизнь, она определенно находилась на волосок от гибели.

Там, где есть жизнь, найдется место и надежде. Старуха посмотрела на ребенка и представила долгую дорогу в Шахад. Может, женщина и умирает, но ребенок жив... и, если подумать, она, Теотара, тоже.

Там, где есть жизнь, найдется место и глупости. Сердце Теотары, продолжая биться в груди, толкало ее на безрассудство.

Призрачная надежда

— Дальше нам ехать не стоит, — произнес Хамран, останавливая своего стройного данского жеребца. — Ступив на эти земли, мы пересечем границу.

Они действительно успели отъехать далеко от реки, и Кеммету уже чудилось, что его лица касается жаркое дыхание Джеханнима.

— Неужели ты испугался кучки работорговцев? — спросил Дюна Джа'Сайани, отбросив с лица синий *туар* и с ухмылкой поглядев на повелителя снов. — Они ежедневно вторгаются в наши земли. Самое время и нам проникнуть в их владения.

Хамран смерил ухмыляющегося стражника ледяным взглядом. Он столько лет был повелителем снов в племени нисфи, что насмешки Дюны Джа'Сайани его нисколько не пугали.

— Мы потеряли их след, — заметил Хамран, — а служба джа'сайани завершается там, где кончаются земли племени. Нам следует вернуться и дать возможность джа'акари начать преследование, если они сочтут это необходимым.

— Что значит «потеряли след»? — Дюна перегнулся через седло и сплюнул на землю. — Откуда нам знать, что это не всего лишь твой испуг, старик?

— Кеммет утверждает, что их нигде не видно, а он может заметить даже ястреба в пасмурный день, до того силен его ка.

Кеммет вжался в седло, точно пригвожденный взглядами двух могущественных мужчин.

— Они скрылись, — кивнул он.

— Каким образом? Улетели, что ли? Или спрятались под землю? А может, отправились на рыбалку? Люди просто так не исчезают. — Дюна бросил косой взгляд на Хамрана. — А может, все эти работорговцы — тоже повелители снов и умеют пробираться в Шеханнам? Кеммет пожал плечами.

— Все, что я знаю, — их больше нет. Я не чую их дыхания на ветру.

Кое-что он все же почувствовал (или же ему просто показалось), но решил не давать воли собственным страхам и сомнениям. Кеммет впервые сопровождал повелителя снов во время столь важного